

Чувашские сказки

Лиса-плясунья

Один старик принес из леса живую лису и говорит старухе :

– Брось-ка в печь мою старую шапку, я тут кое-что на новую принес. Вот, посмотри, – и вытащил из мешка лисицу.

Старуха как раз топила печку и, увидев лисицу, взяла старую шапку мужа и бросила в огонь. А старик тем временем говорит лисе:

– Прежде чем я пушу тебя на шапку, спляши, лисичка-сестричка, повесели нас со старухой, – и принялся точить нож.

Бедная лисичка глядит на нож, на старика со старухой и сидит ни жива ни мертва. Взглянула в окно, увидела дорогу в поле, а за полем – лес, только как убежишь в тот лес?

А старик уже и нож наточил.

– Пляши, лисичка, не то зарежу.

– Я бы сплясала, – ответила лиса, – но у меня нет хорошего платья. А без платья – что это за пляска?

Старуха достала из сундука свое девичье платье, нарядила в него лисичку. А та посматривает на свой наряд, любитесь, а плясать не торопится.

– Что же не пляшешь-то, сестрица? – спрашивает старик.

– Я бы сплясала, – отвечает лиса, – да у меня нет хушпу (Хушпу – праздничный головной убор женщины, украшенный серебряными монетами и бусами) на голове.

Старик со старухой надели на голову лисы хушпу. А она и теперь на украшения смотрит, однако же и плясать не пляшет. Тогда старик со старухой в один голос:

– Хватит любоваться-то, лисица, пляши, почему не пляшешь?

– А у меня – разве не видите? – на шее мониста нет, – отвечает лиса.

Повесила ей на шею старуха и свое монисто, – не пляшет лиса:

– Надо бы еще и браслеты.

И когда только дали ей и браслеты – повеселела, вышла на середину избы, на задние лапы встала.

Старик достал гусли, заиграл, лисица в пляс пустилась. Сначала тихо, медленно прошла по кругу, а потом все быстрее и быстрее. Только нарядное платье мелькает, да хушпу с монистом позванивают. Старуха и про печку забыла, глядит на лисью пляску, в ладоши хлопает.

– А ну, ходи веселей, лисичка-сестричка! – подбадривает плясунью и старик, и чуть ли не сам готов вместе с ней в пляс пуститься.

Что только не выделывала, какие веселые колена лисица ни выкидывала. Глядят на пляску старик со старухой не наглядятся.

Жарко стало плясунье, она и говорит:

Чтобы дверь была открыта, и окно чтоб не закрыто.

Старуха тут же кинулась открывать дверь, а старик открыл окно: жалко что ли: лишь бы лисичка-сестричка веселей плясала!

А лисичка еще немного попрыгала, поплясала, да – юрк! – в открытую дверь. Только ее старик со старухой и видели.

И остался старик без шапки: старая в печке сгорела, а новая в лес ушла.